

## Робинзон Крузо

Источник: Даниэль Дефо. Робинзон Крузо. М.-Л.: Издательство "ACADEMIA", 1935.  
OCR Бычков М.Н.

*Робинзон Крузо* -- одна из самых знаменитых книг во всей европейской литературе. Но на десять человек, которые знают *Робинзона*, едва ли один знает его автора. Войдя в литературу для юношества, книга эта оторвалась от своего историко-литературного окружения. Кроме *Робинзона* три книги XVII-XVIII века прочно и надолго удержались в детской литературе: *Дон Кихот*, *Гулливер* и *Мюнхгаузен*. Судьба *Мюнхгаузена* отличается от судьбы двух других книг. *Мюнхгаузен* исчерпывается тем, что в нём может найти детский читатель. Если его читают в более позднем возрасте, то только как воспоминание о детстве. Никаких новых горизонтов при вторичном чтении в книге не открывается. И соответственно этому имя автора Мюнхгаузена никому неизвестно. Только специалисты-библиографы знают, как его звали, когда и на каком языке он писал.

*Дон Кихота* и *Гулливера* взрослые читают совсем по-иному, чем дети. Эти книги -- не только любимые книги детской литературы, но величайшие и глубочайшие произведения мировой литературы. То, для чего дети читают *Гулливера*, отходит совсем на задний план для взрослого читателя. Имена Сервантеса и Свифта занимают высокое место среди небольшого числа величайших мировых гениев, а *Дон Кихот* и *Гулливер* -- центральное место в их творчестве.

*Робинзон* во многих отношениях ближе к *Мюнхгаузену*, чем к *Дон Кихоту* и *Гулливеру*. В основном содержание его одно и то же для всех читателей, независимо от возраста. Тема *Робинзона* понятна и очень юному сознанию почти во всём своём объёме, не переставая быть значительной и для зрелого человека. Эта тема не стареет.

Возраст сам по себе мало меняет отношение к ней. Обогащает и усложняет отношение к ней не столько жизненный опыт, сколько историческое понимание, меньше в её "общечеловеческом" содержании увидеть черты класса и притом на определённом этапе его жизни. Поэтому советский подросток может даже более "по-взрослому" подойти к *Робинзону*, чем буржуазный профессор литературы, так как он с детства научается видеть то, от чего названный профессор отгорожен прочными шорами.

"Общечеловеческая" тема *Робинзона* -- человек, оставленный на самого себя, лицом к лицу с природой, и отрезанный от человечества. Первое историческое осложнение темы: человек этот вырос в цивилизованном обществе с относительно высокой материальной культурой, и ему удаётся спасти некоторое количество орудий производства и предметов первой необходимости. Кроме того, *Робинзон* обладает ещё кое-какими навыками и определённым уровнем понимания. *Робинзон* -- не голый человек на голой земле, а осколок определённого общества, отбившийся от этого общества, но, как микрокосм, носящий его в себе.

Второе историческое осложнение: общество, микрокосмом которого *Робинзон* является, -- общество классовое. *Робинзон* принадлежит к определённому классу -- к буржуазии. *Робинзон* -- не просто человек и даже не просто цивилизованный человек на необитаемом острове -- он *буржуа* на необитаемом острове. Но третье осложнение: он не буржуа вообще, а буржуа определённого времени и нации, определённой стадии истории своего класса, именно её восходящей стадии.

*Робинзон* -- человек на необитаемом острове и *Робинзон* -- буржуа на необитаемом острове вот диапазон понимания, допускаемый книгой, диапазон, гораздо более ограниченный, чем тот, который налицо между восприятием *Гулливера*, как сказочного рассказа о лилипутах и великанах, и восприятием его, как предельно горькой сатиры на собственническое общество.

Свифт и Дефо были современниками. Их литературная деятельность совпадает по времени почти с полной точностью. Судьба их знаменитых книг оказалась во многом сходной. И самые книги, из которых одна вышла всего на семь лет раньше другой (*Робинзон* -- 1719, *Гулливер* -- 1726), имеют многие черты внешнего сходства. Те же вымышленные, но с деловитой точностью рассказанные путешествия, тот же точный, чуждый украшений, строго прозаический рассказ. Но трудно представить больший контраст, чем между этими двумя книгами двух современников. Связанные эпохой, они резко разделены своей социальной сущностью. В Англии того времени Свифт и Дефо стояли на двух полюсах политики, культуры и социальных интересов. В этой Англии, ликвидировавшей уже в основном феодальные отношения, промышленный капитал был ещё далёк от экономического первенства. В порядке дня стояло ещё первоначальное накопление, и соответственно этому власть была в руках аристократии, получателей капиталистической земельной ренты и пайщиков монополистских компаний, обогащавшихся на колониальных грабежах и национальном долге. Ни Свифт, ни Дефо не представляли этого правящего